

РЕЦЕНЗИЯ

Б. В. Марков, И. Д. Осипов

История философии в формате статьи / сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: Культурная революция, 2016. 244 с.

Данный сборник посвящен исследованию статьи в журналах и сборниках как жанра философской прозы. Обычно предметом изучения становятся основополагающие труды, статьи рассматриваются как подготовительные материалы будущей книги. Но сегодня толстые книги и лекции красноречивых ораторов под сомнением. Таким образом, уже сама задача, поставленная составителем и научным редактором, является достаточно актуальной. В качестве авторов сборника приглашены признанные мастера философского письма, а также молодые философы и даже студенты, что тоже весьма необычно. Читая диссертации и книги молодых исследователей, философы старшего поколения нередко с горечью констатируют их безразличие к отечественной литературе вообще и к работам советского периода особенно. В рецензируемом сборнике разные по возрасту авторы, пишущие на разные темы, имеющие свои представления о задачах и методах истории философии, не просто мирно соседствуют, но их тексты составляют некий ансамбль. Разговор между ними — достойный ответ на крики о «смерти философских мандаринов». По сути дела, это и есть практический способ восстановить разорванную связь поколений, сформировать философское сообщество, которое объединяется профессиональными стандартами качества.

Первые статьи читаются как добротные наставления молодым авторам. М. Ф. Быкова и Ю. В. Синеокая пытаются научить писать по «скопусовским» требованиям и одновременно содержательно. Н. В. Мотрошилова, Э. Ю. Соловьев, А. А. Кара-Мурза выступают еще и аналитиками собственного творчества. Всякий философ хотел бы читать хвалебные рецензии, но, к сожалению, нередко сталкивается с недоброжелательными оценками. Некоторые молодые критики, неспособные предложить хоть что-то позитивное, упражняются в мизологии и пытаются заработать популярность на погроме «советской философии». На примере анализа так называемой тройственной статьи в «Вопросах философии», авторами которой были М. Мамардашвили, Э. Соловьев, В. Швырев, Н. В. Мотрошилова показывает, что это был документ эпохи, вызвавший широкий общественный резонанс. Поэтому аналитика опыта философствования шестидесятников заслуживает всяческой поддержки.

Сборник открывается статьей М. Ф. Быковой «О журнальной статье, ее роли и значении в философии». На примере анализа европейской и американской философской литературы в ней показано, что научные статьи имеют очень высокий статус. И нам пора осознать, что информационно емкая, содержательная и добротно написанная статья гораздо лучше, чем рыхлая толстая книга. Между прочим, написать такую статью непросто. М. Ф. Быкова, будучи редактором высокорейтингового международного журнала, дает весьма дельные

советы, как это сделать. От себя хотелось бы добавить, что помимо выполнения формальных требований и академической стилистики для этого требуется и опыт письма. Сейчас тезисы конференций не в чести. Но хорошо помнится, как легко, можно сказать «в пароксизме страсти», писался большой текст и как мучительно медленно монтировались три странички тезисов доклада.

Ю. В. Синеокая в своей чрезвычайно информативной статье рассматривает предпосылки генезиса и особенности профессиональной философской журналистики. В связи с этим она касается истоков философской публицистики в Европе, обусловленной успехами естествознания и формированием университетского образования. Выясняется, что развитие философской публицистики во многом определило формирование и специализацию философии как науки, появление новых областей философского знания. В настоящее время этот процесс протекает в форме цифровой культуры: философских сетевых журналов, блогов, сайтов. Можно только согласиться с автором, что роль философских журналов в становлении академического сообщества и трансляции знания трудно переоценить, что философская периодика всё больше играет роль модератора философского дискурса.

Ю. В. Синеокая объясняет причины недостаточной представленности отечественной философской журналистики в мире, ее относительной неразвитости. К ним относятся идеологические препоны, низкий уровень знания иностранных языков, отсутствие средств для покупки иностранных изданий, а также, что принципиально, сознательно выбранная изоляционистская установка на самодостаточность, что является проявлением интеллектуального антиглобализма. Причины, по которым отечественные философские журналы не входят в мировые рейтинги: отсутствие отлаженного и эффективного механизма «слепого рецензирования», недостаточная заинтересованность издателей в качественных публикациях, неучастие в глобальном диалоге в качестве равноправного собеседника. Можно согласиться с мнением автора о том, что лучшие современные российские журналы по своей проблематике

ничем не уступают зарубежным изданиям, но отсутствует механизм их продвижения на мировой уровень.

Интерес вызывает и предпринятый в статье анализ причин недостаточного влияния отечественной философии на мировую философскую культуру. Они лежат в прошлом, в отставании развития русской университетской философии от европейской. Стоит согласиться с мнением автора о том, что простым увеличением числа философских журналов нельзя решить проблему их качества. Необходимо, чтобы философия в России стала областью изобретения новых смыслов. Особенно важна в этом процессе роль истории философии, «призванной уберечь осмысление прошлого от страха перед прошлым».

Вместе с тем хотелось бы заметить, что не только «герметизм» российских философских журналов, но и «неотзывчивость» зарубежных баз данных влияет на то, что российские философские журналы там недостаточно представлены. Имеются формальные требования к публикациям в зарубежных журналах, которые надо знать нашим редколлегиям. Наша философская периодика обладает спецификой, связанной с желанием авторов и редколлегий публиковать интересные прежде всего для нашего читателя статьи и материалы. К сожалению, они не вызывают интереса за рубежом и поэтому не переводятся. В то время как у нас появляется всё больше публикаций зарубежных авторов, в международных журналах российские авторы представлены незначительно. Остается самим писать и публиковать статьи на английском языке.

В работе «История философии: статьи, их роль в науке и в публичном пространстве» Н. В. Мотрошилова предлагает обратить внимание на публикации, вызвавшие в свое время широкий общественный резонанс. В качестве метода реконструкции она предлагает нечто вроде «истории воздействий»: цели, устремления философов — это аналитика, диагностика, наконец, терапия дофилософского или внефилософского жизненного пространства, которое, в свою очередь, является «местом истины» и как-то влияет на философию и философов. В качестве первого

примера она выбирает статью Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», которая показывает, как великий философ осмыслил «знаковые события» своего времени и предлагал решения в стиле «большой политики». В качестве другого примера выбрана статья Гегеля «Кто мыслит абстрактно?». Из исторической справки следует, что этот выбор определен харизмой одного из властителей дум 60-х, а именно Э.В. Ильенкова, который обучал студентов, в числе которых была и Н.В. Мотрошилова, в том числе и искусству перевода. Действительно, работы Ильенкова были культовыми и читались с упоением. Показать их новаторский характер сегодня так же трудно, как понять некоторые сцены из «Зеркала» Тарковского.

Эпоха «лихих 90-х» останется в истории чем-то наподобие «смутного времени». Однако для философии это было золотое время, когда люди, получившие философское образование, могли свободно выражать свои мысли. Наверное, даже те, кто не входил ни в одну «агитбригаду» перестроечного времени, теперь испытывают чувство вины за заблуждение, будто власть будет слушать философов. Не удивительно, что либеральный пафос философско-публицистических статей эпохи 90-х деградировал в консервативные настроения нынешнего времени.

Свою реконструкцию выдающихся образцов философской прозы Н.В. Мотрошилова завершает критикой рейтинговой системы, в основе которой лежат количественные критерии, и предлагает «активно бороться с этим “девятым валом” псевдодеятельности враждебных науке “менеджеров”». От себя добавим: конечно, мы живем в обществе обмана, но должен быть предел: нельзя врать. Современный менеджмент не способствует развитию науки.

Э.Ю. Соловьев в своей интересной статье раскрывает логическую специфику философской публицистики и отмечает, что философская публицистика — это плод Просвещения. Оригинальна трактовка Соловьевым особенностей «риторической драматургии» философской публицистики, суть которой определяется формулой «Р есть не Z, а S» Здесь Z обозначает некую видимость — социокультурные и социально-экономические

миражи, с которыми борется публицистика, а S — онтологический статус реальности. Он также отмечает, что философско-публицистический эффект не может быть достигнут, если текст не вызвал в читателе хотя бы «минимальной реформации его умственного склада». На примере собственных статей и статей других авторов Соловьев поясняет данный тезис. С его точки зрения философская публицистика оказывается способом не только понимания, но и критики существующей реальности. В процессе критики публицистическая статья выступает неким маркером и формулой гражданственности.

Наряду с общими признаками философской публицистики Соловьев рассматривает также и особенности историко-философской литературы. В связи с этим им вводится понятие реконструктивной импровизации. По его мнению, историк философии становится ответственным за глубинный смысл трактуемого философского учения. Более того, историк философии лучше, чем его создатель, знает о несовершенстве учения, его поучительной судьбе, о том, как оно испытывалось в науке и культуре и в какой мере осталось непонятым чередой потомков. И это накладывает свой отпечаток на оценку содержания публицистики как определенной формы актуализации историко-философского текста. Э.Ю. Соловьев на примере творчества Канта поясняет особенности метода реконструктивной импровизации и находит в его творчестве грани и темы, которые связывают классика с современностью: проблема международного права, идеи вечного мира, правового государства и ряд других. Представляется, что данная часть статьи Соловьева наиболее выпукло демонстрирует особенности философской публицистики как жанра философского творчества. Публицистика — это герменевтическое искусство субъективной и объективной модернизации классического текста, открытие в нем неявных смыслов, которые могут быть в максимальной степени понятны читателю. Соловьев показал, что невозможно назвать другого философа, теоретические построения которого были бы столь близки современным реальностям: принципам деятельности Организации Объединенных Наций, Всеобщей

декларации прав человека. Творчество Канта — яркий пример того, насколько практична философия, когда она свободна и самостоятельна в своих теоретических выводах. Но эта практика не сиюминутна, а рассчитана на многие годы.

Интересен и другой пример реконструктивной импровизации историко-философских взглядов Канта. Здесь высвечивается иной способ актуализации взглядов мыслителя, ориентированный на дифференциацию духа и смысла текста, исходящий из «презюмции предваряющего доверия к чужому уму». Неожиданное использование Соловьевым юридической терминологии позволяет лучше понять особенности философского творчества как сферы коммуникации и особого рода ответственности. Он подчеркивает: «...философы-классики молчаливо взывают к сегодняшним историкам философии, прежде всего к публицистам по регистру», от которых требуются талант, старание, способности к риску, к сбережению оригинальных опытов философствования. Ответственность философа несколько иного рода, чем ответственность юриста, но она конкретна и требует саморефлексии. По словам Соловьева, реконструктивная импровизация — это оценочно-критический взгляд на современность из надвременной мудрости.

А. А. Кара-Мурза в своей статье исследует другой метод и жанр — историко-философское краеведение. Он отличается тем, что текст анализируется в «контексте своего замысливания, обдумывания и исполнения в конкретном пространстве и в конкретный промежуток времени». Это жанр, соответствующий форме статьи, когда историко-философское исследование принимало характер историко-философского «расследования». Автор раскрывает эффективность данного метода на примере творчества русских мыслителей: Чаадаева, Герцена, Вл. Соловьева, Бердяева. Интерпретация их работ дополняется топологической рефлексией, учитывающей «место истины» — встречи во время путешествия, страна и местность проживания. Например, Бердяев, задумывая свою работу «Смысл творчества», хотел ее писать именно во Флоренции — на родине Ренессанса, а Герцен свои статьи писал в апартаментах в Риме,

где до него жил Гёте. Перечень подобных фактов, совсем неслучайных, можно продолжить. Для А. А. Кара-Мурзы — это те обстоятельства жизни философов, которые позволяют лучше понять как общую, пространственную закономерность их творчества, так и некоторую случайность, которая, в частности, легла в основу статьи Бердяева о Польше. И хотя замысел этой статьи вынашивался долго, но в дело вмешался случай: Бердяев сломал ногу, находился дома и общался с беженцами-поляками. Кара-Мурза приводит и другие интересные факты, которые, по его мнению, оказывали серьезное влияние на творчество Бердяева. Они действительно заслуживают внимания в историко-философском исследовании, которое зачастую становится сухим и безжизненным в стремлении к последовательному изложению филиации идей и теоретической проблематизации. Можно только приветствовать программу историко-философского краеведения. Это особый жанр философской публицистики, в котором на первый план выходят как личные, субъективные факторы творчества, так и исторические, политические и даже культурно-географические обстоятельства, которые определяют не только выбор объекта исследования, но также и форму аргументации.

Второй раздел сборника, написанный молодыми авторами, отличается от первого пониманием того, какой должна быть хорошая статья по истории философии. Мэтры считают, что она должна быть обращена к актуальным проблемам своего времени. Философы при этом мыслятся как наставники, мудрецы. Современные молодые люди, наоборот, осознают себя специалистами, учеными-исследователями. Принадлежат к наставническому типу, с примесью профессорской занудливости, мы, конечно, нередко упрекаем своих учеников за узкую специализацию, а главное — за отсутствие интереса к актуализации того идейного наследия, реконструкцией которого они занимаются, роясь в архивах. Нас также раздражают требования мелочного цитирования, и это надо понять, учитывая, что раньше требовались многочисленные ссылки на классиков. Но надо признать, что наступившая вольность и необязательность цитирования, как говорят, «вышла боком»

нам самим. Мы мало ссылались друг на друга, а теперь сердимся, что молодые авторы не замечают нас. Отсюда вывод: нужно сообщать выстраивать то, что называют профессиональным сообществом, ибо лучший способ повысить качество работ — это перекрестная критика.

Статья А. Н. Круглова о Гегеле — блестящая, очень серьезная и одновременно остроумная, именно своей обстоятельностью, стремлением к восстановлению справедливости уважительная по отношению к Гегелю и одновременно снисходительная к исследователям его творчества, допустившим досадную промашку. Кажется пустяковым курьезом путаница в переводе гегелевской характеристики, в которой величайший философ XIX в. определен как абсолютно не способный мыслить идиот. Автор безусловно прав, доказывая, что это недоразумение. Но ошибка, которую он исправил, нуждается в осмыслении. Почему она столь долго держалась и почему подозрение в идиотизме Гегеля еще долго будет возникать в головах обывателей? Дело не в устойчивости лакейских взглядов на деяния великих людей, не в популярности анекдотов о философах, которые, глядя в небо, попадают в ямы. Философ — фигура необычная. Он борется с родным языком, сомневается в общепринятых истинах и даже сомневается в существовании внешнего мира и самого себя. «Этот немецкий инженер — полный идиот, он сомневается в очевидном», — написал в своем дневнике Рассел о Витгенштейне. «Идиотизм» философов — это не медицинский диагноз. Христос был идиотом, гением был Павел — провоцировал Ницше. Достоевский назвал свой роман о несомненно положительном герое «Идиот». Можно посоветовать автору продолжить исследование на тему нормы и аномалии, показать, что новое приходит не как «ясное как солнце сообщение», а как нечто непонятное и даже раздражающее.

Статья О. А. Жуковой об Эрне — это своеобразная статья в статье. Так несколько парадоксально можно определить ее жанр. С одной стороны, это добротное историко-философское исследование, а с другой — некий перформанс, в котором получил выражение дух эрновского философствования. Навер-

ное, такое удастся только в молодости. С возрастом пишущая рука становится тверже, увереннее, а тексты «бронзовеют». Крепкое академическое письмо, конечно, не худший тип философской прозы, но всегда хочется чего-то свежего. Статья О. А. Жуковой и есть пример гармонии наставника и исследователя, призвания и профессии.

Интересная статья Ю. Е. Федоровой об Ибн Сйне и Фарйд ад-Дйна Аттра, во-первых, выполнена в соответствии с рекомендациями Быковой, но не отдает канцелярщиной и поэтому может быть примером того, как канон не засушивает живую мысль, а наоборот, как полагал Флоренский, придает ей строгую благородную форму, которая сама по себе является логическим требованием и эстетической ценностью. Во-вторых, она является довольно редким видом философской прозы, которую Г. Блюменберг называл метафорологией. Остается лишь пожелать автору продолжить свои наблюдения и обратиться к тому, что Шпенглер называл «физиогномикой культуры», т. е. сравнить метафоры полета, падения и прочих пируэтов птиц в восточной и западной традициях, что было бы ценным вкладом в евразийскую культурную программу.

А. Г. Жаворонков предпринял анализ и систематизацию методов исследования сочинений Ницше. Удивительно, что буквально все написанное Ницше сохранилось, но споры о существовании его философии не утихают и никакие самые тщательные исследования не приводят к систематизации его текстов. Это по-прежнему спорная фигура. В статье изложены основные подходы к пониманию философии Ницше в конце XX столетия, указываются риски и опасности осовременивания. Часто попытки понять Ницше лучше, чем он понимал сам себя, приводят к искажению его высказываний. Так сходятся научный позитивизм и герменевтика. Автор высоко оценил критическое издание Коли и Монтиари, подробно описал результаты филологического прочтения Ницше немецкими учеными и пришел к выводу, что теперь настало время философских исследований. Среди них он выделил академический историко-философский подход и осовременивающую интерпретацию. Заслуживает внимания его оценка источниковедения. Дело в том, что в текстах Ницше

множество скрытых цитат, большинство из которых не вполне точны. Руководствуясь современными требованиями, некоторые исследователи даже заговорили о плагиате. Говорят, Бенъямин специально сделал работу, составленную из цитат, и теперь многие пытаются найти источники. Нечто подобное происходит и в ницшеведении. Но Ницше не имел в планах подбросить работу будущим историкам. И все же говорить о плагиате неуместно. Если бы Ницше не отобрал и не проинтерпретировал высказывания других авторов, они либо остались бы неизвестными, либо были бы восприняты совсем в другом контексте. Даже пересказывая чужую концепцию, Ницше превращал ее в свою, не в смысле присвоения, а наоборот — глубокой переработки и трансформации.

Одно из немногих упущений этой работы — автору следовало бы кратко описать трансформацию рецепции Ницше в самой Германии, в частности упомянуть трехтомник Мюллера-Лаутера, также было бы целесообразно отметить различие французского и немецкого прочтения Ницше. Например, при переводе работ французских авторов на немецкий обнаружилось, что цитаты из Ницше на немецком не соответствуют их интерпретациям. Но и это не дает оснований отвергать французских ницшеанцев. Наоборот, в их интерпретации обнаружилось новые грани. То же самое и у американцев, которые перестали оценивать Ницше политологически, как врага демократии, и считают его тексты литературными проектами.

Наконец, заключительная статья, написанная начинающими авторами А. Басовым, Е. Логиновым, Ю. Чугайновой и потому предполагающая снисходительность, на самом деле написана так, как будто авторы прошли мастер-класс у Быковой. Это крепкое содержательное письмо, к тому же раскрывающее интереснейшую и содержательную тему саморефлексии, самонаблюдения в философии. Единственный диссонанс в том, что, осознавая необходимость создания философского сообщества и публичных дискуссий вместо

заказных рецензий, авторы сборника ограничились московскими именами, оставив вне поля внимания очаги философствования в остальных городах России.

Нельзя не отметить интерес молодых авторов к аналитической, точнее, уже постаналитической философии. Честно говоря, не думали, что доживем до возрождения аналитической философии языка и сознания. Понятно, что причиной тому являются успехи когнитивных наук, но все-таки после знакомства с феноменологией, герменевтикой, а также техниками, разработанными представителями французской философии, трудно согласиться с тем, что Чалмерс, Деннер, Нагель, Чисхольм, Пинкер являются главными фигурами в современной философии. По видимому, учитель наших авторов — профессор Васильев — является настолько мощным аттрактором, что благодаря его вдохновенным лекциям, как некогда благодаря выступлениям Дубровского, Лекторского, Швырева и других, сложилось сообщество последователей, которые, будем надеяться, будут определять, наряду с феноменологами и антропологами, будущее российской философии. Наблюдая рост интереса к визуальной культуре, старшее поколение философов обеспокоено тем, что техники анализа, наработанные в рамках книжной культуры, будут приходить в упадок. Но, прочитав данную статью, можно успокоиться и лишь пожелать, чтобы молодые российские философы не отсиживались в своих углах, в замкнутых микросообществах, где последователи тех или иных направлений философствуют без оглядки на других. И пусть нет денег на командировки — есть социальные сети, в рамках которых и можно осуществлять публичные дискуссии.

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга, несомненно, интересна, оригинальна по новизне материала, затрагивает ряд принципиальных проблем развития современной философской культуры в России. Думаем, что она будет полезна широкому кругу читателей.

Для цитирования: Марков Б. В., Осипов И. Д. Рецензия на книгу: История философии в формате статьи / сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. М.: Культурная революция, 2016». 244 с. // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 144–150. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.416

For citation: Markov B. V., Osipov I. D. Book Review: History of Philosophy in article format. Collection of articles edited by Y. Sineokaya. M.: The Cultural Revolution, 2016. 244 p. *Vestnik SPbSU. Series 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 4, pp. 144–150. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.416

Контактная информация:

Марков Борис Васильевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bmarkov@mail.ru

Осипов Игорь Дмитриевич — доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; idosipov@mail.ru

Markov Boris V. — Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; bmarkov@mail.ru

Osipov Igor D. — Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; idosipov@mail.ru